

Марлен Дитрих и Жан Габен

Голая МАРЛЕН и ревнивый ГАБЕН

Жизнь Марлен Дитрих была не менее интересной, чем ее роли и ее песни, и не раз еще кинематографисты и писатели обратятся к самым ярким страницам ее биографии. Одна из них - длительный и бурный роман с Жаном Габеном.

К тому времени, как Габен появился в США, Марлен давно работала в Голливуде. Позади были роли в фильмах Джозефа Штернберга "Голубой ангел", "Шанхайский экспресс" и "Марокко", а в 1939 году вышел комедийный вестерн "Дестри снова в седле", который упрочил ее шумную славу. А Жан Габен снялся в неудачной картине "Время луны", потом в "Самозванце", и американские продюсеры не были от него в восторге. У Голливуда своя мерка, это не Франция. Марлен взяла Жана под свое покровительство. "Габен, беспомощный как рыба, выброшенная на сушу, был привязан ко мне. И я, в свою очередь, днем и ночью готова была опекать его, заботиться о его контрактах и о его доме... Я помогала ему преодолевать превратности судьбы с открытым сердцем и любовью", - пишет Дитрих в своей книге "Размышления". В своих воспоминаниях великая актриса не пишет об интимной стороне любви, однако роман с Габеном был одним из самых бурных в ее жизни.

Они поселились в доме в Брентвуде, в шикарном особняке с бас-

сейном. Марлен по своей старой привычке всегда купалась голышом. За этим иногда наблюдали соседи, одной из которых была сама Грета Гарбо. Марлен на это никак не реагировала, она совершенно не стеснялась, такое купание считала вполне естественным. Гарбо тоже давно привыкла к выходкам соседки и только слегка задумчиво улыбалась, видя обнаженной свою главную конкурентку. А вот Габен спокойно смотреть на такое не мог. Когда Марлен снимала нижнее белье и бросала его в кресло рядом с бассейном, у него учащался пульс и кровь ударяла в голову. И вовсе не оттого, что его возбуждала прекрасная фигура возлюбленной. Она возбуждала его всегда. Но в моменты купания он испытывал жгучую ревность ко всему, что окружало голую Марлен, уж не говоря о людях, которые могли ее видеть. Марлен могла совершенно спокойно раздеваться в присутствии режиссера, продюсера, актеров, уж не говоря о прислуге. Один из современников Марлен вспоминает: "Когда она выходила на сцену в своем полупрозрачном платье и еще с этим своим понимаю-

щим взглядом, то могла сразить наповал кого угодно. Солдаты от нее сходили с ума". А у Габена это вызывало жуткие припадки ревности, во время которых он мог ударить свою знаменитую любовницу. Так что образ крутого парня, создаваемый им в кино, не был напускным, если можно считать крутостью нанесение побоев любимой женщине из ревности.

Ревность его доходила до абсурда и носила болезненный характер. Когда Марлен покупала новое нижнее белье, он хотел непременно знать, для кого она это делает, и устраивал унижительные допросы. Когда она отправлялась в магазин, чтобы делать покупки, он сомневался, не идет ли она к кому-нибудь на свидание. Всех ее друзей-мужчин, которых у Дитрих было немало, он рассматривал как бывших или будущих любовников.

Но Марлен все прощала темпераментному ревнивцу, она относилась к нему с огромной нежностью. Было в Габене что-то настоящее, чего она не встречала в других мужчинах. Ревность была его единственным недостатком, в остальном

он был прекрасен и оригинален. Он носился по улицам Брентвуда на велосипеде, играл на аккордеоне, любовался своими кумирами - Вламином, Сислеем и Ренуаром. Но Габен, знаменитый во Франции после фильма "Великая иллюзия" не меньше, чем в США Кларк Гейбл и Спенсер Треси, чувствовал себя в Голливуде не в своей тарелке, остро переживая неуспех его американских фильмов. Он мечтал вступить в освободительные силы Франции, и наконец его желание осуществилось. Весной 1943 года он получил повестку.

Марлен проводила его в Норфолк, откуда он должен был отплыть, и в знак верности взяла на хранение его велосипед, аккордеон и картины. Они распрощались ночью на причале, и Габен отплыл на танкере в Северную Африку.

Она увидела его зимой 1944 года. Марлен выступала перед солдатами на юге Франции. "На одном из танков я заметила, нет, скорее почувствовала его. Он стоял спиной ко мне. Я позвала его, он мгновенно оглянулся и заржал: "Черт возьми!", потом спрыгнул вниз и обнял меня. Едва я перевела дух, как раздался звук трубы, и через несколько минут ничего уже не осталось, кроме огромной тучи пыли и затихающего рокота моторов".

Но они встретились. Марлен вспоминает: "Я потеряла его позднее. Когда он вернулся, я оставила его. Нет, это он покинул меня. Я была той нянькой, которая получила прощальный поцелуй, но с большой любовью. Моя любовь к нему осталась навсегда".

Юрий Луговской